

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ
ПУНКТА 3 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 31, ВТОРОГО АБЗАЦА ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 295
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РА НА ОСНОВАНИИ
ОБРАЩЕНИЯ КАК МИНИМУМ ОДНОЙ ПЯТОЙ ОТ ОБЩЕГО ЧИСЛА
ДЕПУТАТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РА

г. Ереван

7 декабря 2021 г.

Конституционный Суд в составе А. Диланяна (председательствующий), В. Григоряна, Г. Товмасына, А. Туняна, А. Хачатряна, Э. Шатиряна, А. Петросян, А. Вагаршяна, с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя – представителя как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального Собрания РА А. Вардеваняна,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу – начальника Отдела правового обеспечения и обслуживания Аппарата Национального Собрания М. Мосинян,

согласно пункту 1 статьи 168, пункту 2 части 1 статьи 169 Конституции, статьям 22 и 68 Конституционного закона “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия Конституции пункта 3 части 1 статьи 31, второго абзаца части 1 статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РА на основании обращения как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального Собрания РА”.

Уголовно-процессуальный кодекс РА (далее также Уголовно-процессуальный кодекс) принят Национальным Собранием 1 июля 1998 года, подписан Президентом Республики 1 сентября 1998 года и вступил в силу 12 января 1999 года.

Статья 31 Уголовно-процессуального кодекса, озаглавленная “Основания для приостановления производства по уголовному делу”, устанавливает:

“1. Производство по уголовному делу может быть полностью или в соответствующей части приостановлено постановлением прокурора, следователя или суда, если:

1) неизвестно лицо, которое должно было быть привлечено в качестве обвиняемого по делу;

2) обвиняемый скрылся от следствия или суда либо место его нахождения не установлено по иным причинам;

3) обвиняемый или лицо, для привлечения которого в качестве обвиняемого по делу имеются достаточные основания, пользуется иммунитетом от уголовного преследования;

4) обвиняемый тяжело болен или находится за пределами Республики Армения, из-за чего не может участвовать в производстве по уголовному делу, если без его участия дальнейшее производство по уголовному делу невозможно;

5) действует непреодолимая сила, временно препятствующая дальнейшему производству по уголовному делу;

6) с обвиняемым подписано соглашение о досудебном сотрудничестве.

2. Производство по уголовному делу по инициативе суда или на основании ходатайства участников судопроизводства может быть приостановлено постановлением суда, если суд считает, что подлежащий применению закон или иной правовой акт противоречит Конституции Республики Армения. В этом случае суд вправе приостановить производство по делу и обратиться в Конституционный Суд Республики Армения.

3. Ходатайства участников судопроизводства о приостановлении производства по делу по этому основанию удовлетворяются либо отклоняются постановлением суда, которое может быть обжаловано в вышестоящий суд в десятидневный срок с момента его вынесения.

4. Производство по уголовному делу может быть приостановлено после производства всех необходимых допустимых процессуальных действий.

5. Производство по уголовному делу приостанавливается до отпадения обстоятельств, послуживших основанием для его приостановления. После их отпадения оно возобновляется постановлением прокурора, следователя или суда.

6. Производство по делу, приостановленное по основанию, предусмотренному частью второй настоящей статьи, возобновляется после вынесения постановления Конституционным Судом Республики Армения.

7. Производство по делу, приостановленному по основанию, предусмотренному пунктом 6 части 1 настоящей статьи, возобновляется после прекращения сотрудничества либо приобретения фактических данных, подтверждающих надлежащее исполнение обвиняемым обязанностей, принятых по соглашению о досудебном сотрудничестве.

Оспариваемое положение указанной статьи, в частности пункт 3 части 1, не подвергалось изменениям и дополнениям.

Статья 295 Уголовно-процессуального кодекса, озаглавленная “Постановление о приостановлении производства по уголовному делу”, устанавливает:

“1. Если обвиняемый скрылся или его место нахождения неизвестно, или он заболел тяжелым заболеванием, или пользуется иммунитетом от уголовного преследования, или действует непреодолимая сила, исключая возможность его участия в судебном заседании, а также в иных случаях, предусмотренных статьей 31 настоящего Кодекса, суд выносит мотивированное постановление о приостановлении производства по делу.

При этом, если производство по делу приостанавливается на основании иммунитета от уголовной ответственности, компетентный согласно настоящему Кодексу орган в установленном законом порядке решает вопрос о лишении данного лица иммунитета или об изменении меры пресечения.

2. Производство может быть приостановлено также в отношении одного из нескольких обвиняемых при условии, что этим не ограничится его право на защиту”.

Законом от 25.05.06 г. НО-91-Н часть 1 указанной статьи Уголовно-процессуального кодекса была дополнена абзацем следующего содержания: “При этом, если производство по делу приостанавливается на основании иммунитета от уголовной ответственности, компетентный согласно настоящему Кодексу орган в установленном законом порядке решает вопрос о лишении данного лица иммунитета или об изменении меры пресечения”, - который и оспаривается.

Другие изменения и дополнения в статью 295 Уголовно-процессуального кодекса не вносились.

Поводом к рассмотрению дела явилось обращение как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального Собрания РА, зарегистрированное в Конституционном Суде 1 сентября 2021 года.

Изучив обращение, письменные объяснения ответчика, другие имеющиеся в деле документы и проанализировав оспариваемые правовые положения, Конституционный Суд **УСТАНОВИЛ:**

1. Позиции заявителя

Как минимум одна пятая от общего числа депутатов Национального Собрания РА (далее – также Заявитель), проанализировав правовые регулирования статьи 96 Конституции, а также Постановление Конституционного Суда ПКС-1476, позиции, представленные в соответствующем решении Европейского суда по правам человека (далее – также ЕСПЧ), и в свете этого обращаясь к правовому регулированию пункта 3 части 1 статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса, констатирует, что в указанном положении используется термин “может быть”, который предоставляет следователю, прокурору, суду дискреционное полномочие приостанавливать производство по уголовному делу даже в случае неприкосновенности лица (обвиняемого или лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого), что, по мнению Заявителя, противоречит статье 96 Конституции. Заявитель отмечает, что “... конституционно-правовое содержание этого положения должно исключительно требовать и подразумевать не усмотрение, а подлежащее обязательному исполнению в досудебном производстве полномочие следователя, прокурора, а в судебном производстве – суда, а именно “приостановление уголовного дела” ...”.

Заявитель считает, что второй абзац части 1 статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса противоречит статье 96 Конституции. В связи с этим Заявитель отмечает, что формулировка второго абзаца части 1 статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса “... предусматривает обязанность предпринять действия по вопросу о лишении лица неприкосновенности ...”, что, по мнению Заявителя, противоречит статье 96 Конституции, поскольку суд по находящемуся в его производстве делу не наделен полномочием обращаться в Национальное Собрание по вопросу о лишении неприкосновенности, и даже если бы суд имел такое полномочие и обратился бы в Национальное Собрание по указанному вопросу, он превратился бы в орган уголовного преследования. Более того, Заявитель констатирует отсутствие инструментария для получения согласия Национального Собрания по упомянутому вопросу в связи с находящимся в производстве суда делом, имея в виду, что прокуратура также “... не может совершить подобное

действие, поскольку дело не находится в ее производстве, и она ограничена принципом состязательности сторон”.

2. Позиции ответчика

Национальное Собрание (далее также – Ответчик) констатирует, что объем личной неприкосновенности депутата и кандидата в депутаты одинаков, и что “...без согласия предусмотренного Конституцией органа не может быть возбуждено уголовное преследование или избрана мера пресечения, предполагающая лишение свободы...”. В то же время Ответчик отмечает, что статья 96 Конституции не распространяется на те случаи, “...когда в отношении лица возбуждено уголовное преследование или лицо лишилось свободы до получения статуса депутата”.

Ответчик подчеркивает, что Конституция не предусматривает “никакое требование о получении согласия Национального Собрания по вопросу продолжения уголовного преследования или применения меры принуждения, предполагающей лишение свободы, после получения кандидатом в депутаты (в отношении которого с согласия Центральной избирательной комиссии было возбуждено уголовное преследование или применена мера принуждения, предполагающая лишение свободы) депутатского мандата...”.

Более того, по мнению Ответчика, обсуждение Национальным Собранием в подобных условиях вопроса о неприкосновенности последнего непосредственно противоречило бы статье 6 Конституции.

Обращаясь к предполагаемому противоречию пункта 3 части 1 статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса статье 96 Конституции, Ответчик указывает, что оспариваемое положение нельзя рассматривать в контексте его противоречия гарантии неприкосновенности депутата, отметив, что усмотрение осуществляющего производство органа относится к приостановлению производства по делу, а не к обращению в Национальное Собрание по вопросу преодоления неприкосновенности депутата.

Ответчик, обращаясь к предполагаемому противоречию между статьей 295 Уголовно-процессуального кодекса и статьей 96 Конституции, отмечает, что оспариваемая статья “никоим образом не может рассматриваться в контексте противоречия гарантии неприкосновенности депутата”. Более того, по утверждению Ответчика, хотя Заявитель и заключил, что вопрос лишения лица неприкосновенности по процедуре, предусмотренной статьей 295 Уголовно-процессуального кодекса, не может быть решен прокурором, однако

Заявитель не обосновал, каким образом ограничивается принцип состязательности сторон в случае решения этого вопроса прокурором.

3. Обстоятельства, подлежащие установлению в рамках дела

Для разрешения поднятого по настоящему делу конституционно-правового спора Конституционный Суд при оценке в рамках настоящего дела конституционности оспариваемых норм Уголовно-процессуального кодекса считает необходимым рассмотреть, в частности, следующие вопросы:

1. В соответствии с частью 2 статьи 96 Конституции защищен ли депутат неприкосновенностью от дальнейшего уголовного преследования, возбужденного еще до получения им статуса депутата?
2. В случае если лицо было лишено свободы еще до получения им статуса депутата, то противоречит ли части 2 статьи 96 Конституции тот факт, что после получения им статуса депутата он по-прежнему отбывает наказание в виде лишения свободы (сохранение, продолжение лишения свободы) без согласия Национального Собрания?

4. Правовые позиции Конституционного Суда

4.1. Статья 96 Конституции устанавливает:

“1. Депутат в течение и после срока своих полномочий не может подвергаться преследованию и привлекаться к ответственности за выраженное в рамках депутатской деятельности мнение или голосование.

2. Уголовное преследование в отношении депутата может быть возбуждено только с согласия Национального Собрания. Депутат не может быть лишен свободы без согласия Национального Собрания, за исключением случая, когда он был пойман в момент совершения преступления или непосредственно после этого. В этом случае лишение свободы не может продолжаться более семидесяти двух часов. О лишении депутата свободы немедленно сообщается Председателю Национального Собрания”.

В рамках упомянутых конституционных регулирований Конституционный Суд констатирует, что, несмотря на заглавие вышеуказанной статьи “Неприкосновенность депутата”, она устанавливает обуславливающий конституционный статус депутата и

вытекающий из этого гарантии депутатский индемнитет (неответственность /non-liability/) (часть 1 статьи 96 Конституции) и неприкосновенность депутата (inviolability) (часть 2 статьи 96 Конституции).

Причем индемнитет гарантирует эффективное осуществление депутатом его депутатской деятельности, в целом исключая уголовную ответственность за выраженное депутатом в процессе его деятельности мнение или за голосование в Национальном Собрании, следовательно, и уголовное преследование. Однако исключение “внешней” ответственности за выраженное депутатом мнение в рамках его деятельности не означает исключение ответственности вообще и тем более не исключает “внутренней” ответственности, а именно дисциплинарной ответственности в виде различных санкций.

Что касается неприкосновенности депутата, то последнему предоставляется определенная защита от уголовного преследования за деяния, не связанные с его функциями. В то же время депутату предоставляется защита от случаев лишения его свободы.

По оценке Конституционного Суда, разграничение упомянутых конституционных гарантий имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Так, например, если в случае индемнитета исключается уголовная ответственность за выраженное депутатом мнение, вытекающее из его деятельности, или за голосование в рамках депутатской деятельности, то в случае депутатской неприкосновенности уголовная ответственность не исключается, а устанавливается более сложная процедура возбуждения уголовного преследования в отношении депутата и лишения его свободы, не исключая и уголовную ответственность депутата, и возможность уголовного преследования в отношении него, и лишение его свободы.

Кроме того, если защита, предоставляемая депутату в случае индемнитета, не имеет никакого ограничения по срокам, то в случае неприкосновенности депутата такая защита предоставляется лицу на срок полномочий депутата.

Вышеуказанные конституционные гарантии, обуславливающие статус депутата, обеспечивают различные пределы и разные сроки защиты и преследуют правомерные цели, обеспечивая:

- 1) независимость депутата, создавая необходимые предпосылки для эффективного осуществления лицом, наделенным представительским мандатом, своих полномочий, ограждая его от “внешнего” (со стороны исполнительной власти, политических

противников и др.) преследования и/или возможности необоснованных, политически мотивированных обвинений;

- 2) независимость Национального Собрания как органа законодательной власти;
- 3) нормальную деятельность Национального Собрания.

4.2. Конституционный Суд также констатирует, что и Европейский суд по правам человека (см., например, Решение от 3 декабря 2009 г. по делу *Kart v. Turkey*, application no. 8917/05 § 91), и Европейская комиссия Совета Европы “За демократию через право” (см. пункты 7, 22, 152 Доклада CDL-AD(2014)011¹ (далее – Доклад) приняли подходы, тесно связанные с вышеупомянутой позицией относительно конституционных гарантий индемнитета и неприкосновенности депутата.

Наряду с выявлением обуславливающих статус депутата правомерных целей и двух вытекающих из этого конституционных гарантий, Конституционный Суд считает необходимым обратиться также к возможным рискам, в частности, опасности злоупотребления депутатской неприкосновенностью и ее перерастания в привилегию отдельного лица. Причем Конституционный Суд констатирует, что именно с учетом этих рисков в настоящее время в ряде стран с развитой демократической системой наблюдается четкая тенденция к полному отказу или строгому сужению института депутатской неприкосновенности, не связанного с осуществляемыми депутатами функциями. Это обосновывается главным образом тем, что обеспечиваемые указанным институтом цели в действующих в настоящее время правовых системах могут быть достигнуты иными средствами.

В этой связи заслуживают внимания следующие замечания Венецианской комиссии, согласно которым “в устоявшейся демократической системе маловероятно, что правительство попытается атаковать работу парламента как института, выдвигая необоснованные уголовные обвинения против его членов, и если это произойдет, то парламента как института, как правило, имеет намного более лучшие и эффективные средства защиты, чем полагаться на иммунитет от уголовного преследования. Кроме того, в любой хорошо функционирующей демократической системе имеются также правовые и политические нормы и стандарты, которые эффективно предотвращают использование политическим большинством уголовно-правовой системы против отдельных политических

¹ [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2014\)011-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2014)011-e)

оппонентов. Правила и принципы независимости и беспристрастности судебной власти и органов прокуратуры в этом аспекте гораздо важнее и актуальнее, чем старые правила депутатской неприкосновенности” (пункт 153 Доклада CDL-AD(2014)011).

Тем не менее вышеизложенное, по мнению Конституционного Суда, не является свидетельством того, что институт депутатской неприкосновенности в настоящее время полностью утратил свою актуальность. Если в странах с устоявшейся и сложившейся демократией можно достичь преследуемой институтом неприкосновенности депутата цели благодаря четко установившейся системе, то в странах с развивающейся или новой демократией, где системы еще неустоявшиеся, дело обстоит совсем иначе, и не исключено, что уголовное преследование будет использовано как инструмент подавления политических оппонентов.

В связи с этим Венецианская комиссия также констатировала следующее: “В некоторых странах, которые все еще находятся в процессе перехода к реальной демократии или где демократия все еще является относительно новой и хрупкой, есть случаи, когда полномочия полиции или прокуратуры использовались для дискредитации, наказания или уничтожения политических оппонентов, в том числе членов парламента. И не всегда бывает так, что в каждом отдельном государстве можно доверить судебной власти действовать независимо и не подвергаться чрезмерному влиянию со стороны исполнительной власти. Члены парламента и особенно представители оппозиции в некоторых странах могут подвергаться политическим преследованиям в форме необоснованных юридических обвинений” (пункт 154 Доклада).

С другой стороны, однако, именно в странах “новой демократии” по причине того, что эти системы еще не состоялись, возрастает опасность злоупотребления депутатской неприкосновенностью. “В то же время, – отмечается в цитируемом Докладе Венецианской комиссии, – зачастую именно новые демократии наиболее подвержены политической коррупции и злоупотреблению неприкосновенностью экстремистски настроенными парламентариями для создания угрозы демократии. Таким образом, парадокс депутатской неприкосновенности заключается в том, что она может служить как укреплению, так и подрыву демократического развития” (пункт 29 Доклада).

В подобной ситуации, согласно заключению Конституционного Суда, встают следующие основные задачи:

- с одной стороны, благодаря институту депутатской неприкосновенности обеспечить независимость депутата, парламента, бесперебойное функционирование парламента (так как другие системы, которые могли бы стать средством достижения цели, еще не полностью состоялись как таковые);

- с другой стороны, реализовать это таким образом и с таким взвешенным подходом, чтобы именно сама неприкосновенность депутата не нарушала прав иных лиц, не становилась фактором, подрывающим авторитет того же парламента.

Итак, любая неспособность надлежащим образом обезопасить деятельность парламента от излишнего “внешнего” вмешательства представляет угрозу демократической конституционной системе. И наоборот, неспособность обеспечить защиту прав граждан, а также парламента как института от злоупотреблений парламентским мандатом создает риск подрыва доверия к парламенту и ставит под угрозу его легитимность.

С учетом вышеизложенного, Конституционный Суд считает, что две обуславливающие статус депутата Национального Собрания и вытекающие из него конституционные гарантии имеют публично-правовое значение, четкие (вышеупомянутые) цели и направлены на обеспечение защиты общественных интересов, поэтому эти гарантии не являются и никоим образом не могут восприниматься (интерпретироваться) как предоставленная отдельным лицам личная привилегия или преимущество. И исключение подобного восприятия не только будет противоречить целевому значению рассматриваемых гарантий, приведет к изменению их публично-правового значения, но и станет препятствием верховенству права, что приведет к нарушению равенства всех перед законом, гарантированного статьей 28 Конституции, а в некоторых случаях при соответствующих обстоятельствах – и к несоразмерному ограничению прав на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство (статьи 61 и 63 Конституции).

4.3. Конституционный Суд констатирует, что злоупотребление неприкосновенностью депутата от уголовного преследования, ее перерастание в личную привилегию или преимущество может поставить под угрозу права лиц на справедливое судебное разбирательство и судебную защиту. Вышеизложенный вывод вытекает из совокупности ряда следующих обстоятельств:

во-первых, в конституционном положении, регламентирующем неприкосновенность депутата (часть 2 статьи 96 Конституции), не определен круг преступлений, в случае

возбуждения в отношении депутата уголовного преследования по которым необходимо согласие Национального Собрания. Регулирования этой статьи таковы, что неприкосновенность депутата, по сути, распространяется на случаи возбуждения уголовного дела практически по всем преступлениям, без какого-либо ограничения круга преступлений.

Во-вторых, хотя часть 2 статьи 96 Конституции и предусматривает возможность лишения депутата неприкосновенности с согласия Национального Собрания, тем не менее уже на уровне законодательного регулирования статьей 108 Конституционного закона “Регламент Национального Собрания”, устанавливающей порядок лишения депутата неприкосновенности, не предусмотрено никаких четко определенных и объективных критериев и оснований, на основании которых Национальное Собрание должно вынести решение по вопросу о лишении или нелишении депутата неприкосновенности, в коих условиях, учитывая, что Национальное Собрание является политическим органом, вопрос о лишении депутата неприкосновенности чаще всего решается исходя из различных политических мотивов.

В-третьих, тот факт, что именно в силу публично-правовой значимости института депутатской неприкосновенности на законодательном уровне отсутствует возможность отказаться от депутатской неприкосновенности.

В-четвертых, в случае принятия Национальным Собранием решения об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного преследования в отношении депутата это решение, по сути, имеет бессрочные правовые последствия (поскольку в законодательстве нет ограничения сроков правовых последствий подобного решения (например, ограничение сроком пребывания в должности депутата), с другой стороны, также не предусмотрены четкие механизмы в аспекте преодоления последствий такого решения, возбуждения уголовного преследования и обеспечения дальнейшего хода разбирательства, исходя из чего получается, что в случае принятия Национальным Собранием решения об отказе в даче согласия в условиях непреодоления неприкосновенности депутата от уголовного преследования, уголовное преследование (производство) может стать невозможным не на определенный срок, а фактически вообще).

В этом контексте Конституционный Суд считает необходимым подчеркнуть, что принятый Национальным Собранием 30 июня 2021 года и вступающий в силу с 1 января 2022 года Уголовно-процессуальный кодекс РА рассматривает в качестве исключającego

уголовное преследование обстоятельства нелишение компетентным органом в результате надлежащей правовой процедуры неприкосновенности лица, предположительно совершившего преступление (пункт 6 части 1 статьи 12).

В-пятых, то, что не ограничены возможности лица на переизбрание депутатом, и, как следствие, дальнейшая возможность продления тем самым неприкосновенности. (В этом контексте Европейский суд по правам человека в некоторых своих решениях констатировал, что приостановление в отношении депутата любого уголовного дела во время действия его депутатского мандата приведет к значительному временному разрыву между совершением обжалуемых деяний и возбуждением уголовного дела, приведя к их неопределенности или непредсказуемости, особенно в аспекте доказательств. В другом контексте Европейский суд по правам человека констатировал, что время, необходимое для рассмотрения жалобы, может поставить под сомнение ее эффективность (решение ЕСПЧ по делу от 30 октября 2003 г. *Ganci v. Italy*, application no. 41576 / 98, § 30; решение ЕСПЧ по делу от 16 ноября 2006 г. *Tsalkitzis v. Greece* application no. 11801/04, § 50).

Учитывая вышеизложенное и для того, чтобы неприкосновенность депутата служила своему целевому назначению, в то же время для сдерживания опасностей, вытекающих из неприкосновенности депутата, и, в частности, исключения перерастания неприкосновенности отдельных лиц в личную привилегию или преимущество, Конституционный Суд считает, что необходимо достаточно узкое толкование и применение норм (в том числе и конституционных норм), регламентирующих институт депутатской неприкосновенности, что обеспечит сбалансированную защиту общественных и частных интересов.

Конституционный Суд констатирует, что аналогичный подход применен как Европейским судом по правам человека (см, например, решение ЕСПЧ по делу от 11 февраля 2010 г. *Syngelidis v. Greece*, application no. 24895/07, §44-46; решение ЕСПЧ по делу от 16 ноября 2006 г. *Tsalkitzis v. Greece*, application no. 11801/04, §49), так и Венецианской комиссией. Венецианская комиссия, подчеркивая в своем Докладе, что нормы о неприкосновенности не являются необходимой частью национального конституционного права (в частности, пункт 156 Доклада), также отметила, что в тех странах, где действуют правила неприкосновенности депутатов по уголовным делам, они не должны отклоняться от своей первоначальной цели, следовательно, их следует толковать и применять ограниченно (пункты 157, 158, 185 Доклада). Более того,

Венецианская комиссия также подчеркнула, что эти правила неприкосновенности не должны применяться на практике, если нет веских оснований для их применения по конкретному делу (пункт 158 Доклада).

4.4. В свете вышеизложенного Конституционный Суд констатирует, что во всех тех случаях, когда отсутствует четкая и прямая связь между парламентской деятельностью депутата и возбужденным уголовным преследованием, депутат неприкосновенностью не должен быть защищен от продолжения уголовного преследования, в противном случае публично-правовое значение неприкосновенности исказится, и она станет привилегией или преимуществом конкретного лица.

В связи с этим Конституционный Суд считает, что промежуток времени между возбуждением уголовного преследования в отношении лица и последующим приобретением этим лицом статуса депутата сам по себе свидетельствует об отсутствии связи между возбужденным (осуществляемым) в отношении лица уголовным преследованием и парламентской деятельностью депутата, и в этих обстоятельствах, исходя из подхода непревращения института депутатской неприкосновенности в личную привилегию и очень узкого толкования (применения) регламентирующих его норм, после возбуждения уголовного преследования в отношении лица для продолжения уголовного преследования в случае приобретения им статуса депутата согласие Национального Собрания не требуется, так как в подобном случае продолжение уголовного преследования должно осуществляться в общем порядке.

С другой стороны, Конституционный Суд констатирует, что если промежуток времени между возбуждением уголовного преследования в отношении лица и последующим приобретением этим лицом статуса депутата сам по себе свидетельствует об отсутствии связи между осуществляемым преследованием и парламентской деятельностью депутата, из этого отнюдь не следует, что этот промежуток времени механически обеспечивает независимость Национального Собрания как органа законодательной власти и его непрерывную нормальную деятельность. Даже в подобной ситуации не исключено, что может иметь место такое ограничение прав лица (например, заключение лица под стражу), которое фактически полностью исключит возможность осуществления лицом, получившим статус депутата, его парламентской деятельности, и, как следствие, подобная ситуация может привести к сбою работы

Национального Собрания, поставив под угрозу независимость Национального Собрания в целом.

С учетом вышеизложенного Конституционный Суд считает, что в рамках регулированной части 2 статьи 96 Конституции учредитель Конституции разграничивает предоставляемую депутату неприкосновенностью защиту от защиты от возбуждения уголовного преследования и защиты от лишения свободы, считая возможной последнюю лишь с согласия Национального Собрания, за исключением отдельных случаев, предусмотренных вторым предложением части 2 той же статьи Конституции.

В то же время Конституционный Суд констатирует, что в рассматриваемом случае вопрос должен получить диаметрально противоположное решение: одно дело, когда лицо приобрело статус депутата после возбуждения уголовного преследования, и для продолжения возбужденного против него до этого уголовного преследования согласие Национального Собрания не требуется, и совсем другое решение вопроса необходимо в случае лишения лица свободы уже после приобретения им статуса депутата, – в данном случае, помимо отдельных предусмотренных частью 2 статьи 96 Конституции исключительных случаев, во всех остальных обстоятельствах наличие у лица статуса депутата – это обязательное условие, при котором бесспорно требуется согласие Национального Собрания при лишении лица свободы (а в случае лишения свободы до приобретения этого статуса – продолжить, сохранить лишение свободы).

В случае подхода, противоположного представленному, могут пострадать нормальное функционирование Национального Собрания и независимость Национального Собрания, что будет прямо противоречить защите, предоставляемой депутату частью 2 статьи 96 Конституции, делая неправомерным лишение свободы лица, находящегося в статусе депутата.

В то же время Конституционный Суд считает, что депутат не может быть лишен свободы (а в случае лишения свободы до приобретения статуса – продолжать оставаться лишенным свободы после приобретения статуса депутата), за исключением некоторых предусмотренных вторым предложением части 2 статьи 96 Конституции случаев, если Национальное Собрание не дало своего согласия по этому вопросу: ни один другой орган, кроме Национального Собрания, не правомочен преодолеть эту защиту, предоставляемую депутату неприкосновенностью.

4.5. На основании выводов, сделанных в предыдущем пункте настоящего Постановления, Конституционный Суд констатирует, что обуславливающая статус депутата и вытекающая из этого неприкосновенность и предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РА институты приостановления производства в некоторых случаях могут быть взаимосвязаны, но не всегда являются взаимообуславливающими: а) как возможно преодоление предоставляемой депутату неприкосновенностью защиты без приостановления уголовного преследования, б) так и возможно приостановление уголовного производства на каком-либо ином основании, не связанном с преодолением защиты, предоставляемой (депутату) неприкосновенностью.

Вышеизложенное, однако, вовсе не означает, что исключается возможность третьей ситуации, а именно приостановление уголовного производства в целях преодоления защиты, предоставляемой депутату неприкосновенностью.

Следовательно, оценивая в свете выделения трех упомянутых правомерных ситуаций регулирование части 1 статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса, согласно которому следователю, прокурору или суду предоставлено дискреционное полномочие приостановления производства по уголовному делу, в том числе на основании, предусмотренном пунктом 3 части 1 статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса, Конституционный Суд констатирует, что рассматриваемое регулирование является правомерным и не вызывает вопроса о конституционности, поскольку из дискреционного полномочия указанных участников производства по приостановлению производства само собой не следует и не может следовать дискреционное полномочие компетентного органа обращаться или не обращаться в Национальное Собрание по вопросу преодоления защиты, предоставляемой неприкосновенностью от уголовного преследования.

В связи с этим Конституционный Суд также считает необходимым подчеркнуть, что приостановление или неприостановление производства по уголовному делу в случае непреодоления защиты, предоставляемой лицу неприкосновенностью, никоим образом не предполагает полномочие осуществляющего производство органа совершать действия (принимать решения), которые непосредственно влияют на предоставляемую депутату неприкосновенностью защиту. Обратное будет означать нарушение предусмотренного частью 2 статьи 96 Конституции императивного требования, делая нереальной защиту, предоставленную депутату неприкосновенностью.

4.6. Конституционный Суд, обращаясь к утверждениям Заявителя в контексте результатов произведенного анализа, констатирует:

1) утверждения заявителя о том, что "...конституционно-правовое содержание указанной нормы (пункта 3 части 1 статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса) должно исключительно требовать и подразумевать не усмотрение, а подлежащее обязательному исполнению в досудебном производстве полномочие следователя, прокурора, а в судебном разбирательстве – полномочие суда, а именно "приостановление уголовного дела", и что "...обратное будет непосредственно противоречить статье 96 Конституции РА" не являются обоснованными;

2) еще один поднятый в рамках обращения (с внутренними противоречиями) вопрос о предполагаемом законодательном пробеле в статье 31 Уголовно-процессуального кодекса решается автоматически:

согласно сделанным Конституционным Судом в рамках вышеизложенных позиций выводам, отпадают нашедшие место в обращении опасения относительно того, что требование статьи 96 Конституции может быть проигнорировано в случае приостановления производства следователем, прокурором или судом в связи с непредусмотрением обязательных условий или механизма изменения установленной в оспариваемом положении меры пресечения и что возможно, что заключенное под стражу лицо, обладающее депутатской неприкосновенностью, "... в случае приостановления производства по уголовному делу продолжит находиться под стражей, так как нет обязательства немедленной отмены меры пресечения на основании правового статуса неприкосновенности". При руководствовании в правоприменительной практике вышеуказанными позициями Конституционного Суда риск возникновения такой проблемы также будет исключен.

Причем Конституционный Суд констатирует, что регулирования, созвучные данному положению, нашли место также в части 2 статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса, согласно которым "... при наличии оснований избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения в отношении лиц, пользующихся иммунитетом от уголовной ответственности, прокурор обращается в соответствующие органы с ходатайством о получении согласия". В условиях подобного регулирования заключение под стражу (лишение свободы) лица, пользующегося неприкосновенностью, в частности депутата, становится возможным только в случае

преодоления защиты, предоставляемой депутатской неприкосновенностью, иными словами, для избрания в отношении депутата меры пресечения в виде заключения под стражу необходимо наличие дополнительного условия, а именно, чтобы защита, обеспечиваемая неприкосновенностью, была преодолена.

В этом контексте Конституционный Суд считает необходимым обратиться к той позиции Заявителя, согласно которой "...если уголовное дело находится в производстве суда, то нет никакого инструментария для получения согласия Национального Собрания, так как Прокуратура не может совершить подобное действие...", поскольку дело не находится в производстве прокуратуры, а суд, во-первых, не имеет таких полномочий, кроме того, в случае обращения в Национальное Собрание с подобным вопросом, суд превратится в орган уголовного преследования. В связи с этим Конституционный Суд констатирует, что:

1) для того, чтобы дело было принято в производство суда, обеспечиваемая неприкосновенностью защита лица, а именно депутата от возбуждения уголовного преследования должна быть уже преодолена либо уголовное преследование в отношении лица должно быть возбуждено до получения им статуса депутата, и в этом случае нет никакой необходимости получать согласие Национального Собрания на продолжение уголовного преследования в отношении лица (в этом случае лицо не защищено неприкосновенностью от дальнейшего продолжения уголовного преследования);

2) в контексте другой предоставляемой депутату неприкосновенностью защиты – лишения депутата свободы только с согласия Национального Собрания, независимо от того, находится ли дело в судебном или досудебном производстве, в Национальное Собрание обращается Генеральный прокурор.

По оценке Конституционного Суда, вышеизложенное непосредственно следует из сопоставительного анализа части 1 статьи 108 Конституционного закона "Регламент Национального Собрания" и пункта 11 части 2 статьи 53, части 2 статьи 136 Уголовно-процессуального Кодекса.

Вышеизложенное дает Конституционному Суду основание констатировать, что во всех тех случаях, когда в ходе судебного разбирательства возникает необходимость заключения под стражу лица, обладающего статусом депутата, в аспекте обеспечения условия заключения последнего под стражу, а именно преодоления защиты,

предоставляемой ему неприкосновенностью, Генеральный прокурор с таким ходатайством должен обратиться в Национальное Собрание. Причем в том случае, когда прокурор сам ходатайствует перед судом о заключении под стражу лица со статусом депутата, то до подачи подобного ходатайства в суд Генеральным прокурором на основании ходатайства уже должно быть получено согласие Национального Собрания на лишение депутата свободы.

А в том случае, когда в ходе рассмотрения дела суд сам приходит к выводу, что в конкретном случае в отношении лица, обладающего статусом депутата, в качестве меры пресечения следует избрать заключение под стражу, то, с одной стороны, в случае непреодоления защиты от лишения свободы, предоставляемой депутату неприкосновенностью, с другой стороны, в случае, если суд не имеет полномочий обращения в Национальное Собрание по такому вопросу, и с третьей стороны, при отсутствии специального условия заключения под стражу этого депутата из действующих законодательных регулирований должно следовать, что в этом случае суд должен приостановить производство по делу на основании пункта 3 части 1 статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса.

В случае принятия решения о приостановлении производства на этом основании, исходя из логики вышеуказанных правовых регулирований, Генеральный прокурор по должности обязан обратиться в Национальное Собрание с соответствующим ходатайством о получении согласия на лишение депутата свободы. В случае принятия решения о даче или недаче такого согласия производство по делу должно быть возобновлено, и, соответственно, должен быть решен вопрос о заключении или незакончении лица под стражу.

4.7. В результате системного анализа, проведенного на основании вышеуказанных норм законодательства, Конституционный Суд находит, что в формулировке части 1 статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса “... если производство по делу приостанавливается на основании иммунитета от уголовной ответственности, компетентный согласно настоящему Кодексу орган в установленном законом порядке решает вопрос о лишении данного лица иммунитета или об изменении меры пресечения” выражение “компетентный согласно настоящему Кодексу орган в установленном законом порядке решает вопрос о лишении данного лица иммунитета или об изменении меры пресечения” следует понимать как обязанность компетентного

органа, в конкретном случае – обязанность Генерального прокурора на обращение в установленном порядке в Национальное Собрание по вопросу о заключении под стражу депутата (даже согласия на лишение свободы). В случае подобного толкования исключается возможность выдвинутого Заявителем кажущегося противоречия части 1 статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса и статьи 96 Конституции.

4.8. Вместе с тем Конституционный Суд считает необходимым констатировать, что правоприменительная практика (в частности, по уголовным делам SD/0066/01/21, SD1/0060/01/21, ED/0886/01/21) развивалась в противоречащей высказанным в настоящем Постановлении положениям логике, согласно которой в случае, если лицо было лишено свободы до приобретения им статуса депутата, то после приобретения статуса депутата для его дальнейшего лишения свободы и продолжения нахождения его в заключении не считалось необходимым получение согласия Национального Собрания. В этом аспекте Конституционный Суд считает, что подобная правоприменительная практика не следует из содержания регулирования части 2 статьи 96 Конституции.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 168, пунктом 2 части 1 статьи 169, статьей 170 Конституции, статьями 63, 64 и 68 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Пункт 3 части 1 статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения соответствует Конституции в том толковании, что:

а) из дискреционного полномочия следователя, прокурора, суда по приостановлению производства не вытекает дискреционное полномочие Генерального прокурора как органа, компетентного обращаться в Национальное Собрание по вопросу о преодолении защиты, предоставляемой депутату неприкосновенностью от уголовного преследования;

б) неприостановление уголовного производства в случае непреодоления защиты, предоставляемой депутату неприкосновенностью, никоим образом не означает (не предполагает) полномочие осуществляющего производство органа совершать действия (выносить решения), которые непосредственно влияют на защиту, предоставляемую депутату неприкосновенностью;

в) не имеющее статуса депутата лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы, с момента получения статуса депутата, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 96 Конституции, не может более отбывать наказание в виде лишения свободы. С момента приобретения статуса депутата лицо, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 96 Конституции, не может быть лишено свободы иначе как с согласия Национального Собрания.

2. Второй абзац части 1 статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения соответствует Конституции.

3. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

А. ДИЛАНЯН

7 декабря 2021 года

ПКС-1619

Перевод сделан издательско-переводческим отделом
Конституционного суда Республики Армения